

коллектив кафедры, куда вошли выпускники аспирантуры ведущих университетов России – Московского, Казанского, Саратовского и Пермского, – что обеспечило в кратчайшие сроки подготовку специалистов на высоком учебно-методическом уровне.

Таковы основные этапы жизни нашего замечательного заведующего кафедрой, который внес большой вклад в подготовку кадров историков, а его научные труды являются в настоящее время фундаментом, на котором развиваются современные научные исследования по истории Великой российской революции, Гражданской войны, а также по историческому краеведению.

Э.Л. Дубман*

**ЕФРЕМ ИГНАТЬЕВИЧ МЕДВЕДЕВ
В КУЙБЫШЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

втору этих строк посчастливилось оказаться в числе первых студентов вновь открытого Куйбышевского (Самарского) государственного университета. Это случилось в далеком 1969 г., когда на четырех специальностях – истории, филологии, математике и физике – приступили к занятиям всего 200 человек. Для нового вуза временно выделили на ул. Осипенко типовое здание школы. На первых трех этажах проводились занятия и размещались кабинеты, администрация, кафедры, библиотека, актовый и спортивный залы, другие помещения. Верхний, четвертый этаж отвели под общежитие. Все приходилось начинать с нуля, да и сам коллектив преподавателей только начинал складываться. Квалифицированных специалистов не хватало и каждому из них приходилось вести по несколько предметов, нередко достаточно далеких от тех научных проблем, которыми они профессионально занимались как ученые. Например, археологу Галине Ивановне Матвеевой приходилось помимо археологии, которой она посвятила всю свою жизнь, читать также историю первобытного общества, этнографию и историю древнего мира.

В новый университет собирали преподавателей из самых разных вузов страны, в основном связанных с научными школами Московского, Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского), Казанского, Саратовского и других государственных университетов. В большинстве своем это были подлинные энтузиасты своего дела, люди, знающие свой предмет, молодые и энергичные. Постоянные занятия со студентами перемежались непрерывными общественными делами и поручениями, молодой вуз находился под постоянным присмотром областных и городских властей. Дел было много, нередко преподаватели и студенты не уходили домой до позднего вечера.

Очевидно, так было задумано руководством, что на каждой специальности уже на первом году работы университета появились свои «патриархи», по нашим тогдашним меркам – уже пожилые люди, доктора наук, профессора, вокруг которых начинал складываться новый педагогический коллектив.

Студентам-историкам в этом отношении повезло: в новый университет из местного педагогического института перешел Ефрем Игнатьевич Медведев, один из наиболее известных исследователей, занимавшийся историей революции 1917 г. и гражданской войны в Среднем Поволжье. Весь внешний облик этого сравнительно высокого, крупного кряжис-

---

* © Дубман Э.Л., 2018

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, dubmane@mail.ru

того человека, манера поведения, неторопливая образная речь невольно внушали ощущение значимости, уверенности, громадного жизненного опыта. Первое впечатление о его суровости и даже некоторой грубоватости рассеивалось уже в самом начале общения со студентами, до которого Ефрем Игнатьевич был великий охотник. Он обладал каким-то удивительным внутренним душевным обаянием. При всей огромной дистанции между уже пожилым, много испытавшим профессором и нами, студентами первых курсов, он быстро становился своим, близким, хорошо понимающим наши учебные и бытовые проблемы человеком. Нередко стайка студентов догоняла Медведева, когда он неторопливо шел на очередное занятие, и, подстраиваясь под ритм его шагов, сопровождала до дверей университета. Постоянно можно было увидеть его в окружении студентов в перерыве или после занятий. Эту удивительную притягательность, умение привязывать к себе людей у наших ведущих преподавателей я наблюдал и во времена студенческой молодости, и после того, как, отработав положенные три года в деревне, вернулся в родные стены научным сотрудником. Многие из студентов первых выпусков, в том числе и я, были выходцами из сельской местности, из небогатых семей городских предместий. В дополнение к сравнительно небольшой стипендии нам постоянно приходилось подрабатывать в стройотрядах, на стройках, сторожами, дворниками. В университетской столовой мы брали самые дешевые блюда: первое, кашу без котлеты, пили чай только с куском хлеба. Преподаватели, в том числе и Ефрем Игнатьевич, хорошо чувствовали нашу студенческую «нищету», да и сами когда-то прошли через это. И поэтому нередко они помогали нам, давали в «долг» деньги, когда видели, что мы вконец «оборвались», на переплет дипломов и другие нужды. Все это делалось настолько деликатно, что как-то и отказать было неловко. В конце концов мы возвращали эти долги, но такая дружеская помощь, как правило, была очень кстати и только укрепляла наши отношения. У нас, историков, да и на других «классических» специальностях университета и речи не заходило о взятках, покупках оценок, ставших позднее бичом высшего образования.

Очевидно, такие же доброжелательные отношения складывались у Ефрема Игнатьевича и с преподавателями кафедры, которой он руководил, да и всего факультета.

Несмотря на все наши подработки, занятия и общественные поручения, мы постоянно засиживались в областной библиотеке, наша университетская библиотека находилась тогда в самом зачаточном состоянии. Я до сих пор вспоминаю своих товарищей, тащивших из отдела выдачи в читальный зал кипы книг, которые трудно было удержать в руках. Нередко вместе с нами за столами читального зала сидели и наши преподаватели, которым приходилось осваивать совершенно новые для них предметы. Историческая литература становилась для первых студентов университета феноменом культуры, культовым явлением. Бывало, что преподаватели приглашали студентов к себе домой для консультаций, обсуждения темы курсовой или дипломной. Они показывали литературу, которую трудно было приобрести в тогдашнем Куйбышеве, и нас буквально притягивали полки и шкафы с книгами. Именно Ефрем Игнатьевич Медведев, Галина Ивановна Матвеева, Ленар Васильевич Храмков, Борис Дмитриевич Козенко привили нам любовь к книге, страсть к заведению своей личной домашней библиотеки, от которой я не могу отказаться до сих пор.

Ефрем Игнатьевич вел у нас занятия по истории революционных событий 1917 г. и гражданской войны. Нам пришлось долго привыкать к его манере чтения лекций и ведения семинаров. До этого курсы, которые читали многие преподаватели, были похожи на скольжение на коньках по глади замерзшего озера. Мы, как правило, не погружались в самую глубину тяжелого труда исследователя, его попыток разобраться в сложнейших проблемах предмета, который он читал. У Ефрема Игнатьевича все было иначе. Создавалось впечатление, что он изнутри, из глубины своего крестьянского происхождения и менталитета, пытался передать нам ощущение всего трагизма судеб громадной массы крестьян и солдат, поднятых на гигантскую работу по разрушению системы имперской действительности. Медведев понимал и страшно жалел всех этих людей, обреченных на страдания, а многих –

и на гибель. Он прекрасно знал исторический материал. Но в лекциях Ефрема Игнатьевича историческое прошлое не выглядело стройной логичной системой, созданной и отшлифованной в трудах многих поколений историков. Напротив, мир русской революции и Гражданской войны в его изложении представлялся непредсказуемым сплетением самых различных явлений и тенденций. Это была историческая реальность, где большинство людей, попавших в ее водоворот, так и не смогли для себя определить, где правда, а где ложь, кто друзья, а кто враги; у которых не было возможности выбрать единственный правильный путь. Конечно, Медведев должен был следовать логике марксистского толкования исторического процесса, придерживаться классового подхода, но конкретный материал, который он нам давал, явно не умещался в это прокрустово ложе.

Ефрем Игнатьевич был глубоким источниковедом, понимавшим необходимость постоянной работы в архивах для будущих историков. Еще будучи студентом, я почувствовал, с каким пиететом он относится к источниковедческой и архивной работе, как постоянно требует этого от своих дипломников. На многих занятиях обязательной темой для анализа являлись так называемые «письма с фронта»¹. Многим из студентов тогда казалось это излишним, мы считали, что можно изучать историю по монографиям и научным статьям, заниматься «высокой наукой». Только позднее, с годами нам становилось понятно, что именно этот старый, немного чудаковатый профессор был абсолютно прав. Многие из исследовательских приемов, которые он использовал, оказались в чем-то созвучными методике «плотного описания» К. Гирца и другим способам изучения исторического прошлого, исповедуемым современными исследователями. Громадный жизненный опыт, научная интуиция и постоянная исследовательская работа позволяли Медведеву внутренне ощущать ту «ментальность», которая была свойственна российскому обществу на одном из самых грандиозных переломных этапов его истории. Ефрем Игнатьевич на себе и судьбе близких ему людей прочувствовал всю тяжесть «слома повседневности», переживаемого его поколением, и смог наперекор всему выдержать и перебороть этот чудовищный напор.

Мне посчастливилось постоянно работать с Ефремом Игнатьевичем в последние годы его жизни. В конце 1970-х гг. Медведев пригласил меня к себе в аспирантуру. Какое-то время я сомневался. Он занимался проблемами конца XIX – начала XX в., я же все больше увлекался русским средневековьем, начальным периодом колонизации Среднего Поволжья. К этому времени я успел поработать в центральных и местных архивах, прочувствовать обаяние источников XVI–XVII вв. Однако специалистов по этому периоду в тогдашнем Куйбышеве не было, и я решил стать аспирантом Ефрема Игнатьевича. К сожалению, наша совместная работа продолжалась недолго. В начале 1980-х гг. моего научного руководителя не стало. В этот сравнительно небольшой период времени аспирантского обучения уложилось несколько наших встреч, работа над планом будущей диссертации, отчеты о проделанной работе, как правило, у Ефрема Игнатьевича дома, походы на его дачу. Во всех этих встречах и разговорах, сложившейся системе отношений профессора и аспиранта, я до сих пор не могу вспомнить проявлений казенщины, формализма, соблюдения жесткой субординации. Как правило, обсуждение научных проблем, спорных вопросов шло неспешно, перемежавшись шутками, воспоминаниями старшего товарища, дружескими советами. Мне до сих пор кажется, что мой научный руководитель был не слишком доволен моими начальными научными изысканиями. Ефрем Игнатьевич очень тактично пытался научить меня уму-разуму; стремился привить вкус к постоянной работе в архивах, сопоставлению полученных результатов с уровнем тогдашней историографии; объяснить необходимость широкого взгляда на изучаемые процессы.

---

¹ Характерно, что значительно позже еще один из наших любимых университетских преподавателей, Борис Дмитриевич Козенко, занимаясь Первой мировой войной, также увлеченно рассказывал мне о ценнейшем историческом материале, которые содержали солдатские письма с фронта.

В эти годы близких отношений с моим научным руководителем я почувствовал еще одну особенность общения с ним. При всей открытости Ефрема Игнатьевича, готовности к общению, обсуждению самых различных тем, в разговорах с ним всегда чувствовалась некоторая запретная зона, в которую он не допускал никого. Мы все знали, что в середине 1930-х гг. Медведев был арестован по политическому делу, чудом уцелел и был сослан в тогдашний Куйбышев. В нашем сознании образ профессора, заведующего кафедрой Куйбышевского университета, пользовавшегося заслуженным авторитетом и всеобщим уважением, награжденного одной из высших государственных наград того времени – орденом Ленина, никак не соответствовал тому, что с ним произошло в годы его молодости и зрелости. Ореол некоторой таинственности, неразгаданности всегда сопровождал Медведева, а его нежелание даже мимоходом касаться этой темы подогревало интерес к его жизни.

Все это и послужило основанием для более глубокого изучения биографии и научной деятельности Медведева. Уже в начале 2000-х гг. моим аспирантом Г.В. Балашовым была подготовлена кандидатская диссертация о жизни и деятельности Е.И. Медведева, которая затем переросла в книгу, написанную Г.В. Балашовым, П.С. Кабытовым и мной [3]. Не скрою, что меня в этой работе больше всего интересовали биографические моменты. Нам пришлось немало поработать в архивах Казани и Самары, неоднократно беседовать со всеми, кто был близок с Ефремом Игнатьевичем и хорошо знал его; разбираться в обширном научном и публицистическом наследии ученого. Авторам книги в определенной степени повезло. В казанском архиве удалось обнаружить материалы следственного дела, по которому проходил Е.И. Медведев. Краткие, но впечатляющие сведения сохранились о начале куйбышевского периода жизни ссыльного историка, когда Ефрему Игнатьевичу и его семье приходилось буквально выживать в страшное и голодное время конца 1930-х – начала 1950-х гг.

Только после завершения всей этой работы стали более понятными многие особенности поведения одного из первых профессоров Куйбышевского государственного университета, так много определившего в последующей судьбе тех, кто, как и я, посвятил себя нелегкой профессии историка.

Н.Н. Кабытова*

МОЙ НАСТАВНИК Е.И. МЕДВЕДЕВ

Ефрем Игнатьевич Медведев был хорошо известен своими изысканиями по истории революционных событий 1917-1921 гг. в Поволжье. Познакомилась я с его научными трудами во второй половине 1960-х гг., когда студенткой начала изучать региональные особенности установления советской власти. С 1972 г., работая под непосредственным руководством Е.И. Медведева на кафедре истории СССР (дореволюционной отечественной истории) Куйбышевского государственного университета, я убедилась в том, что он не только вдумчивый и ответственный исследователь, организатор науки, но и яркий харизматичный лидер.

Первые исследовательские работы Е.И. Медведева появились в период становления советской исторической науки. Уже тогда он обратил внимание на специфические черты Великой российской революции, произошедшей в годы Первой мировой войны. Исключенный

* © Кабытова Н.Н., 2018

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева